

УДК 93+008
DOI: 10.17223/19988613/51/8

С.В. Кириченко

БУРЯТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

*Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту
«Трансграницы России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество».*

Рассмотрены позиции бурятской интеллигенции по национальному вопросу в России и СССР с конца XIX до конца XX в. В национальном движении бурят выделены различные идейные и политические течения – от консервативного религиозного универсализма и панмонголизма до национального коммунизма. Изучение двух основных этапов бурятского национализма показывает, что если в 1920-е гг. он был проектом модернизации, то в конце XX – начале XXI в. бурятский национализм выполнял в основном функцию легитимации политических требований.

Ключевые слова: бурятское национальное движение; национализм; интеллигенция; модернизация.

В XX в. национализм развивался так стремительно, что это столетие можно по праву назвать «веком национализма». В связи с этим он стал объектом пристального внимания со стороны исследователей. При этом до сих пор существуют разногласия по поводу понимания национального вопроса в СССР, а политическая и социальная значимость данной проблемы диктует необходимость ее детального анализа.

Некоторые исследователи рассматривают национализм как идеологию, особое внимание уделяя стремлению к завоеванию и сохранению независимости, а также окончательному его оформлению «в рамках группы, определенная часть которой рассматривает ее как уже существующую или потенциальную нацию» [1. С. 88; 2. Р. 102–103, 171]. Возникает вопрос, следует ли национализм определять исключительно как «идеологию» или рассматривать как «общественное, национальное движение», поскольку такое определение представляется наиболее адекватно отражающим его социальное измерение.

Говоря об интеграционном и мобилизационном потенциале национализма, нельзя не отметить роль политических элит в превращении этнических, культурных сообществ в политические, государственные. Как отмечает Д. Конверси, вплоть до XX в. концепция национального строительства означала реализуемый и возглавляемый элитами тот или иной проект укрепления государственности [3. Р. 1–21].

М. Хрох [4. Р. 91–106] и Э. Хобсбаум [5. С. 239] подчеркивали роль интеллектуальных элит в качестве решающих факторов формирования национализма. Именно элиты играют ведущую роль в формировании политического ресурса на основе элементов этничности и культуры.

В российской науке и публицистике термин «национализм» долгое время понимался в негативном смысле – как превосходство одного народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Лишь позднее, с постепенной демократизацией, национализм стал

рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа.

Тоталитарное государство подавляет проявления низового национализма, как правило, имеющего этнический, периферийный характер. Государство может само проповедовать разные формы национализма, в том числе шовинистического толка, дискриминируя или ассимилируя малые культуры или народы. Понятие нации в России выступает как некий социальный конструкт, члены которого, не зная друг друга лично, тем не менее рассматривают себя как общность с единой судьбой и надеждами.

В. Тишков предложил принять термин «нация» в значении совокупности граждан одного государства, отказавшись от его этнических характеристик [6. С. 51, 95]. В зависимости от конкретной концепции, термины «этнос» или «этническая группа» предполагают соответствие целому ряду критериев, при этом во всех теориях этноса особую роль играет понятие культуры как одной из его важнейших составляющих. К примеру, К. Калхун рассматривает культуру как конструкт, аналогичный народу и обществу [7. Р. 53]. Другие авторы сходятся во мнении, что те или иные сообщества отличаются друг от друга определенным набором характеристик; никто не подвергает сомнению существование элементарных категорий восприятия человека человеком как «своего» или «чужого». П. Брасс определяет этнос как «чувство этнического самосознания... состоящее из “субъективного, символического или знакового использования” группой людей какого-либо из аспектов культуры с целью ограничения себя от других групп» [8. Р. 3]. Важно, что члены этнической группы не определяют себя как «этническая группа» и не рассматривают объединяющие их связи как «этнические узы». Вероятно, этнос можно определить как теоретическую категорию, которая потенциально служит для самоидентификации нации, в то же время не оформленную до конца, ограниченную тем сектором социальной сферы, который не связан с политической деятельностью и не имеет культурной направленности.

Научное содержание понятия «нация» является предметом начавшихся еще век назад длительных и зачастую не вполне продуктивных дискуссий, несмотря на участие в них крупных ученых и публицистов. В мировой науке до сих пор нет общепринятой дефиниции нации, особенно если речь идет о ее границах, членстве в ней или о нации как статистической категории. Тем не менее до недавнего времени в общественном сознании господствовало и сохраняет свои позиции понимание нации как реальной общности. В этом случае нация рассматривается как коллективный индивид (или тело), обладающий базовыми потребностями, (само)сознанием, общей волей и способный на единое и целенаправленное коллективное действие. Одной из таких потребностей является обеспечение условий своего сохранения и развития, и из этой потребности вытекает стремление к автономии и независимости в форме отдельного «национального государства». Феномен национализма в данном случае представляется как общественно-политическое явление, в котором нации остаются главными акторами.

П. Брасс [9. С. 84] и Л. Гринфельд [10. С. 94] ставят знак равенства между возникновением нации и выдвижением от ее имени политических требований. Неоднозначность понятия «национализм», его близость и к общественному движению, и к идеологии в значительной мере являются следствием неопределенности границ между данными явлениями в целом. Если речь идет об идеологии, то, с одной стороны, подчеркивается ее практическая направленность, легитимация деятельности, формулировка ее целей, значение, приписываемое каким-либо событиям, чувство сопричастности, которое они дают людям. С другой стороны, общественные движения непременно предполагают наличие идей, ценностей, они ищут обоснования для своей деятельности, свои исторические корни. Под национализмом мы понимаем идеологию, создающую идейные рамки для национальных движений. Оба эти явления можно рассматривать как взаимозависимые и отчасти взаимопроникающие, но в то же время обладающие собственной спецификой.

Формирование бурятской интеллигенции происходило под влиянием общих культурно-исторических процессов и тех специфических условий, в которых шло развитие бурятского общества. Эти условия характеризовались, с одной стороны, воздействием центрально-азиатской культуры, буддизма. С другой — экономический и социально-политический строй Российского государства, система управления и идеологическое воздействие, непосредственные контакты с русским народом накладывали отпечаток на развитие бурятской интеллигенции. Буряты и русские были интегрированы в единую государственную систему, что в конкретно-исторических условиях вело к неизбежной русификации бурят, включая интеллигенцию. В конце XIX в. социальные и экономические изменения разрушали традиционный образ жизни бурят, как и многих

нерусских народов. Прежде всего, это строительство Транссиба, определенная (пусть невысокая) степень урбанизации, давшие мощный импульс колонизационному движению, направленному на заселение русскими различных регионов России, в том числе и Бурятии. В этот период начинается формирование современного русского национализма, а в части правящей элиты складывается убежденность в том, что этническая неоднородность России со временем будет становиться все более и более серьезным препятствием на пути создания сильного государства [11. С. 321; 12. С. 375].

Для бурят вхождение в состав Российского государства означало одновременно расшатывание универсальных устоев миропорядка как в идеологической, так и в сугубо практической сфере. Как оказалось, мир европейцев не может быть описан при помощи существовавших ранее категорий. Не существовало понятийного аппарата, который позволил бы рассуждать о мире, обществе и политике в нерелигиозных категориях — тех, которые использовала европейская политическая мысль. Обстоятельства, сопровождавшие отделение бурят от остальных монголов (установление границы между Россией и Китаем), привели к тому, что они оказались отрезанными как от халхаских ханов, по отношению к которым они находились в вассальной зависимости, так и от непосредственных контактов с важнейшими религиозными авторитетами — Далай-ламой и Богдо-гэгэном. Можно сказать, что южнее российско-монгольской границы остались не только родственные племена, но и вся политическая жизнь монгольских народов. Отсутствие собственной сильной светской власти способствовало укреплению позиций ламаизма в общественной жизни бурят (прежде всего, восточных). Дополнением к семейным и племенным узам были узы религиозные, которые на рубеже XIX и XX вв. стали основой для собственно бурятских теократических теорий. Западные буряты, номинально перешедшие в христианство, по существу, оставались в сфере влияния шаманизма.

«Столкновение» бурят с Россией характеризуется всеми чертами феномена, который Э. Смит называет конфронтацией с организованным, согласно современным европейским образцам, «научным государством», что, по его мнению, является одним из базовых условий возникновения национализма [13. С. 131]. Интерпретация этого «столкновения» производилась представителями образованной элиты, которая распалась на две группы — первую составили те, кто получил образование в традиционных религиозных школах, вторую — выпускники высших учебных заведений Казани, Петербурга, Цюриха, а также созданных светских школ, основанных на модели европейского образования.

Происходили изменения также и в формах описания социальной действительности. Нельзя не согласиться с В. Зайончковским в том, что помимо традиционных форм анализа начали использоваться модели описания и интерпретации мира, базирующиеся на европейской системе знаний [14. С. 164]. Различные подходы к ин-

терпретации социальной действительности, на которые наложились различия в образовании, привели к складыванию следующих идейных и политических течений:

1. Реакционный религиозный консерватизм, преследовавший цель восстановления некогда существовавшей «истинной», «чистой» религии, отвергавший возможность какого бы то ни было компромисса с современной европейской цивилизацией и являвшийся проявлением исторической девиации. Идеал, к которому следовало стремиться, находился в данном случае в прошлом. На бурятской почве это течение представляли «стародумцы». В целом идеология «стародумцев» была направлена на социокультурную изоляцию в рамках консервативных этнических традиций.

2. Религиозный модернизм, признававший необходимость усвоения определенных достижений европейской цивилизации. Его сторонники выступали за рационализацию образования, не подвергая при этом сомнению религиозную базу социального самосознания. Общественный идеал в данном случае не предполагал возврата к корням, не был локализован в прошлом. Представители этой среды (так называемая партия прогрессивных бурят) выражали интересы нарождавшейся буржуазии и выдвигали требования конституционно-демократического характера, принимая реформы 1901–1903 гг. Основные программные цели «прогрессистов» – суверенитет бурятской нации, политическое и культурное равноправие народов Российской империи, гражданская свобода, обеспеченная новыми формами государственности – национальной автономией бурятского народа на основе буржуазной демократии.

3. Национализм, признававший необходимость восприятия не только отдельных достижений западной цивилизации, но и перехода на путь развития, проложенный европейцами. Концепция нации становилась не только новой формой выражения социального самосознания, но и одним из существенных этапов развития, который должен был привести к выравниванию неевропейской и европейской цивилизаций. Общественный идеал проецировался в данном случае в будущее, не предполагая полного разрыва с традицией, он одновременно отрицал приоритет религиозных уз.

4. Социализм, характеризовавшийся критическим отношением к традиции и признававший многие ее элементы (особенно если речь шла о религиозной жизни) проявлением ложного сознания, от которого необходимо было отказаться. Общественный идеал проецировался в будущее и фактически никак не был связан с традицией.

Подобное разделение носило в определенной степени условный характер, поскольку взгляды авторов постоянно эволюционировали. Тем не менее эти идейные течения в целом определяли рамки политического дискурса представителей неевропейской цивилизации в составе России в конце XIX в. Крайние позиции, а именно религиозный консерватизм и социализм, отмежевывавшиеся, с одной стороны, от всего европейского, а с другой – от собственной традиции, были в обще-

ственной жизни бурят своеобразными полюсами. Между ними простиралась сфера, в которой взаимодействовали течения, связанные и с традицией, и с европейской цивилизацией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что возникновению национализма предшествовали попытки религиозных реформ, а позже религиозный модернизм существенным образом повлиял на формирование националистических идей.

В годы Революции 1905–1907 гг. бурятская интеллигенция не только с огромным интересом следила за ходом событий в России, но и активно включилась в общероссийский контекст национального движения. Наибольшую активность в нем проявили деятели народного образования, создавшие союз «Знамя бурятского народа» и «Общество просвещения бурят», целенаправленно ориентировавшие свою деятельность на возрождение традиционных этнических форм культуры, прежде всего буддизма, обладавшего высокими интеграционными возможностями. Национал-демократы, возглавляемые Ц. Жамцарано, Б. Барадиным, А. Доржиевым, настаивали на консолидации бурят в рамках национально-территориальной автономии и создании национальных науки, литературы, искусства на основе обновленного ламаизма и его культурных средств. Ц. Жамцарано был хорошо знаком с настроениями различных слоев монгольских народов, прежде всего с рядом бурятских лидеров, знал об их попытках «объединить все группы бурятского населения Забайкальской области и Иркутской губернии на почве угнетенного духовно-правового и экономического положения, развивать правосознание и самосознание массы до общечеловеческих принципов, поддерживать и способствовать развитию существующих коммунистических начал, все более и более расширяя поле их деятельности» [15. С. 170]. Он также знал, что эти настроения разделяет основная масса бурятского народа, за исключением немногих родоначальников, понимая, что «буряты добиваются быть полноправными гражданами и, как таковые, участвовать в политической жизни страны вместе с другими народностями; а как национальность – требуют права на культурное самоопределение» [15. С. 184].

«Западники» же были настроены пессимистически в отношении бурятского национально-культурного возрождения в условиях капитализма. Они считали необходимым введение единого с русским населением земского управления, скорейшее усвоение достижений европейской культуры с помощью латинизации бурятской письменности. Ярким выразителем идей о необходимости вступления бурят на путь модернизации был М.Н. Богданов, рационально объяснявший будущие результаты русификации и отказа от традиционных форм жизни. Он писал: «Пока мы оживим застывшую монгольскую литературу и дойдем до создания «шедевров национального художественного творчества», не успеет ли уже раздавить нас всемогущий бог западноевропейской культуры – капитал, который с водворением в России новых форм жизни, мощными шагами пойдет вперед? Нужно

помнить, что мы живем не в эпоху Средневековья, когда каждая маленькая национальная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно от внешнего мира, а в XX в., когда процесс капиталистического развития разрушает почти все национальные различия, какими бы китайскими стенами они не отгораживались. Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации. Для этого необходим русский язык...» [16. С. 43].

На почве совместной борьбы с существующим строем происходил взаимный процесс сближения бурятской и русской сибирской интеллигенции, выступившей в лице Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в защиту коренного населения Сибири. Во многом этому процессу способствовало и то обстоятельство, что русский язык для бурятской интеллигенции являлся не только средством общения, но и языком литературы и науки. Малочисленность интеллигенции, сложившаяся политическая обстановка способствовали совмещению ее представителями различных видов деятельности: профессиональной, общественно-политической и творческой. Научные интересы бурятских интеллектуалов распространялись на изучение различных сторон духовной и материальной культуры народов Центральной Азии, их верований, истории, семейного и общественного быта, европейскую теорию нациестроительства. Выход из отсталости и темноты они видели в распространении европейского просвещения, их объединяло стремление взять лучшее из культур Востока и Запада.

Влияние социокультурной и общественно-политической среды России проявилось и в том, что политическое мышление элиты бурятской интеллигенции во многом опережало уровень массового сознания бурятского народа. Идентификационные практики определяли активное конструирование идей национально-культурной идентичности бурят. В результате их взаимодействия и последующего развития в регионе возникла так называемая бинациональная культура, национальный компонент которой, с одной стороны, придает уникальность и силу общероссийской, а с другой – выделяет то, что присуще каждому народу [17. С. 159].

Лидеры бурятской интеллигенции на всех бурятских съездах, проходивших во время буржуазно-демократических революций 1905–1907 гг. и 1917 г., были заняты юридическим конструированием новой буржуазно-демократической государственности. В социальном плане декларировались такие цели, как установление всеобщего равенства, всеобщей справедливости и благоденствия, национальной солидарности бурят для спасения от «пролетаризации» и «капитализации», к которым ведет политика правительства и социал-демократической партии большевиков. Этот диссонанс между антикапиталистическими высказываниями и объективным смыслом общественно-политической деятельности, расчищавшей дорогу капитализму, был характерен для большинства мелкобуржуазных демо-

кратических партий России – сказывалась патриархальная отсталость страны в целом и ее национальных окраин в частности. В Бурятии это было обусловлено и такой особенностью общественного развития, как незавершенность процессов классовообразования (как на феодалной, так и на буржуазной основе).

Октябрьская революция и начало Гражданской войны открыли новый этап в истории народов, населявших Российскую империю. Значение движений национальных меньшинств оценили большевики, сочтя, что идея разделения человечества на народы, стремящиеся к обретению определенных политических прав, может стать хорошей почвой для нахождения общего языка с населяющими Россию народами. Компромисс был достигнут после согласия новых властей на создание национальных республик взамен на отказ националистических слоев от религии, признание классовой теории общества и доминирующей роли большевиков. В СССР были созданы национальные административные образования, одним из которых стала Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика (1923 г.). При этом создатели руководствовались жесткими, вытекающими из сталинского определения нации, критериями, которые предполагали существование «национальной» территории, литературного языка и единой народной культуры [18. С. 296–297]. Был запущен самораскручивающийся механизм образования национальных сообществ, состоящий в восполнении имевшихся «недостатков» в обществах, наделенных статусом союзных или автономных республик, но не до конца соответствовавших названным критериям. Эту цель призваны были решить разнообразные институты (в сфере организации науки, культуры, прежде всего народной, средства массовой информации), которые просуществовали до самого распада СССР.

Политический потенциал национального движения впервые проявился во время Революции 1905–1907 гг., однако одновременно обозначились также проблемы, связанные с сочетанием светского и партикулярного по своему характеру национализма и религиозного универсализма. Недовольство бурят возбуждали конфискации земель, ограничения, касавшиеся религиозной жизни и образования, а также попытки навязывания российскими властями системы самоуправления, основанной на территориальном принципе. Царские законники полагали, что сокращение земельных наделов бурят до нормы русских землевладельцев заставит кочевых скотоводов перейти к оседлому земледелию и в целом ускорит русификацию бурят. Роспуск Степных дум означал ликвидацию самоуправления в бурятских ведомствах и введение волостного управления по русскому образцу с подчинением русским крестьянским начальникам. Власть должна была перейти от сословия нойонов к новым социальным силам, складывавшимся в бурятских улусах в процессе развития капиталистических отношений [19. С. 23]. Объявление правительственных реформ вызвало массовые волнения в Забайкалье в 1903 г. и позже – в 1905–1907 гг.

Этот конфликт интерпретировался как противостояние русских и бурят, при этом оказалось возможным пренебречь племенными и родовыми различиями (характерно, что подобные требования выдвигали после 1905 г. как восточные, так и западные буряты). В это же время заявило о себе течение, подчеркивавшее связь с монгольским миром. Его проявлением стало требование введения монгольского языка в школы и снятия ограничений на монголоязычные издания. Главной целью ратующих за эти лозунги «радикальных народников» стало объединение монгольских народов, а ведущую роль здесь призваны были сыграть буряты [20. С. 143]. Часть бурятской интеллигенции начала движение в этом направлении, стремясь к созданию нового большого национального сообщества с опорой на когда-то существовавшую монгольскую историко-культурную общность.

Это был политический проект, в котором важное значение придавалось созданию собственной государственности как необходимому атрибуту и предпосылке создания нации. Создать государство, чтобы создать нацию – достаточно распространенная и осмысленная в XIX в. стратегия. Специфика «панмонголизма» заключалась в том, что нацию предполагалось формировать на базе монгольской историко-культурной общности, давно и прочно разделенной государственными границами.

В Бурятии так же, как и в других национальных регионах, не все было гладко. Возникли разногласия между сторонниками национального партикуляризма, подготовившими создание в 1921 г. в Дальневосточной Республике Бурят-Монгольского автономного округа, и приверженцами консервативного религиозного универсализма под предводительством ламы Лубсан-Сандана Цыденова [19. С. 60].

Летом 1918 г. в Забайкалье при поддержке японских империалистов была установлена военная диктатура атамана Г.М. Семенова. 23 января 1919 г. его Указ о призыве бурят на военную службу вызвал недовольство со стороны коренного населения. Весной 1919 г. противостояние усилилось, дело стало доходить до репрессивных действий со стороны семеновцев. Население не хотело отдавать своих сыновей в армию. Представители верующих обратились к Л.-С. Цыденову с письменной просьбой о принятии населения под свое покровительство для того, чтобы уберечь бурятскую молодежь от призыва в армию. Организованное Л.-С. Цыденовым теократическое движение носило реформаторский характер. Идея реформирования буддизма легла в основу социально-политического движения и создания теократического правительства. Политическое значение этого движения состояло в кратковременной попытке основания отдельного государства, которое могло бы дать народу свободу – свободу от военной эксплуатации Семенова, свободу от экономической эксплуатации ДВР. Семеновские власти объявили Цыденова преступником, созданное им государ-

ство было упразднено, а сам Л.-С. Цыденов после нескольких месяцев тюрьмы исчез.

Интеллигенция оказалась перед дилеммой: отказаться от общественных идеалов, базировавшихся на некоторых конфессиональных принципах, или принять предлагавшийся победившей партией образ социальной действительности. Отказ от религии, однако, не означал достижения компромисса с коммунизмом, поскольку эта идеология оказалась в определенном отношении изоморфна национализму. «Нация и класс как альтернативные источники социального самосознания были в принципе несовместимы, поскольку претендовали на аналогичную роль посредника между личностью и человечеством, необходимого для определения места личности в исторической реальности» [21. С. 48].

Стремление избежать выбора между лояльностью по отношению к классу, а точнее к партии, и лояльностью по отношению к нации привело к возникновению национального коммунизма, пытавшегося обосновать необходимость учета некоторых националистических постулатов в ходе строительства коммунистического общества. На практике значительная часть интеллигенции, согласившаяся сотрудничать с большевиками, давала понять, что именно национальная принадлежность рассматривается ею как важнейшая точка отсчета. Складыванию такой позиции способствовала также политика «коренизации», развернутая ВКП(б) в середине 1920-х гг. [22. С. 385–391].

Существовало несколько вариантов позиций, занятых представителями национальной интеллигенции по отношению к коммунизму. Крайнюю точку зрения выражал В. Трубочеев, представлявший течение национального нигилизма. Между полярными точками обнаружилось разнообразие вариаций компромиссных воззрений. Некоторые старались найти свою нишу и работать, избегая (насколько это было возможно) политики (Г. Цыбиков), другие пытались найти форму сочетания коммунизма с национализмом, создавая течение, которое можно обозначать как «национальный коммунизм». В числе наиболее видных представителей этого течения можно назвать Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино. Сочетание коммунизма и буддизма (ламаизма) предлагали представители обновленческого движения, ярчайшим представителем которого был А. Доржиев [23. С. 10–17].

Поиски соответствующей формы сосуществования с коммунизмом не были лишены рациональных предпосылок. В 1920-е гг. в республике начался процесс, который можно определить термином «националистическая модернизация». Он состоял в развитии национальных культурных и образовательных институтов, создании новой интеллигенции, выработке научной основы литературного языка. Его целью было достижение в ускоренном темпе уровня, демонстрируемого европейскими обществами.

Стремительное расширение сферы социальной активности в общественной жизни знаменует первый и наиболее важный этап националистической модерни-

зации. Началом процесса сознательной модернизации можно считать распространение печати и прессы, повышение статуса национального языка за счет превращения его в письменный (в ущерб старомонгольской письменности), а также реформу системы школьного образования. Это происходило на фоне кардинального изменения отношения бурятской интеллигенции к собственному обществу: адресатами тех идей, которые представители элиты стремились передать при помощи новых или модернизированных средств информации, были все без исключения члены этнического сообщества. Благодаря этому процессу были созданы условия, способствовавшие складыванию нового самосознания в рамках общественного движения, в которое были вовлечены представители иных, кроме интеллигенции, слоев населения.

Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» и новых способов видения мира [24. С. 100–105], он полагал, что национализм возник благодаря развитию СМИ, в результате чего оказалось, что мысли и чувства людей стали синхронны, похожи друг на друга, стало возможным появление общности людей, которые друг друга не знают, но, тем не менее, воспринимают происходящие события сходным образом.

Начиная с 1928–1929 гг., в СССР постепенно сужаются допустимые границы участия национальной составляющей в общественной жизни. В качестве примера можно привести развернувшуюся дискуссию, которая завершилась поражением сторонников сохранения традиционных вариантов письменности, базировавшихся на старомонгольском алфавите [25. С. 176–179]. Дискуссия по поводу алфавита была последней, в которой национальная интеллигенция принимала участие как социальная группа, пытавшаяся руководствоваться в своих действиях стремлением к достижению определенных национальных целей.

Замена традиционных алфавитов совпала по времени с началом борьбы с «правым уклоном» в партии, что предполагало, в частности, преодоление буржуазного национализма, который впервые стал объектом нападок еще в 1920–1923 гг. В Бурятии атака была направлена на панмонголистов. Результат – отстранение от власти и вывод из государственных институтов сторонников национального коммунизма или тех, на кого пало подозрение в симпатиях такого рода. Наступившие вскоре трагические 1937–1938 гг. положили конец не только попыткам сочетать коммунизм с национализмом, но и уничтожили все поколение национальной интеллигенции, которое пыталось осуществить эту идею. Практически лучшая часть дооктябрьской интеллигенции, включая художественную и духовенство, была изгнана из страны или уничтожена. Заодно была уничтожена часть новой интеллигенции, воспринявшая традиции прошлого.

Как отмечал В.Ц. Найдаков, произошел новый перерыв постепенности [26. С. 2]. Это относится ко всем

народам без исключения. Но особенно тяжело пострадали восточные народы и их интеллигенция, связанная с цивилизацией и культурой Востока. Они вынуждены были во многом отказаться от национальных корней, от своих традиций, верований, обычаев. Многие из культурного наследия, национальных обычаев, традиций было объявлено буржуазным, националистическим, поставлено вне закона.

Деформирующее воздействие на бурятский народ и его культуру оказал 1937 г.: расчленение Бурят-Монгольской АССР на три автономии, выделение части бурят из состава автономии, ликвидация общенациональных, социально-политических и культурных институтов, истребление духовной элиты, лидеров нации. Идеологизация культуры и чрезмерная централизация власти оказались пагубными, привели к утрате культурного суверенитета и исторических корней. В течение нескольких лет с учетом потерь, понесенных в Великой Отечественной войне, с политической арены сошло целое поколение людей, у которых был опыт иной, несоветской, политической жизни и для которых выбор между религией, классом и нацией действительно представлял дилемму.

Почва для возрождения национализма появилась на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с перестройкой и распадом СССР. Причинами такого хода событий стали, во-первых, ускорение процесса повышения социального статуса представителей национальных меньшинств. Доля бурят с высшим образованием в Бурятии увеличилась в период с 1950 до 1989 г. в несколько раз (так, в 1950 г. на тысячу человек населения республики было 19 бурят с высшим образованием, в 1970 г. показатель вырос до 41, в 1979 – до 73, в 1989 – до 118) [27. С. 5, 14]. Во-вторых, были упрочены институциональные основы культурной и научной жизни в республике, что создавало необходимость подготовки специалистов. В-третьих, выросла численность городского населения: 1970 г. в городах Бурятии проживало 44,6% населения, в 1979 г. – 56,9%, в 1989 г. – 61,5% [28. С. 147]. При этом к концу 1980-х гг. доля горожан в общей массе бурятского населения достигла 44,5% [29. С. 27]. Наконец, в-четвертых, новая интеллигенция в подавляющем большинстве случаев имела крестьянское происхождение, а это означало ее принадлежность к среде, относительно слабо русифицированной. Условия адаптации молодой интеллигенции негородского происхождения в городе были довольно сложными.

Большая часть представителей интеллигенции принимала сознательную ассимиляцию с целью обеспечения собственной карьеры или успешного будущего детей. Распространена была инерционная позиция, сторонники которой стремились избегать драматичных решений. Принадлежность к бурятскому народу была естественной, но не представляла той ценности, которая пробуждала бы желание сохранить этническую самоидентификацию вопреки окружению. Не отмечалось явного протеста, который принял бы формы диссидентского движения.

Вместе с тем проявилась активность немногих непокорных (Лубсан Доржиев и др.), впрочем, здесь большее значение имела религия, чем национальная традиция. Деятельность Бидии Дандарона представляет собой один из примеров независимой позиции представителя национальной интеллигенции [30]. Он сыграл значительную роль в возникновении буддийских общин в Москве, Ленинграде, Таллинне, Риге и других городах Советского Союза. В условиях идеологической нетерпимости все это привело к тому, что в 1972 г. был инициирован судебный процесс против Б.Д. Дандарона и его учеников по обвинению в сектантской деятельности. Оставшуюся часть жизни он провел в заключении.

Эти немногие непокорные пытались в различных сферах найти формы выражения своего национального сознания и независимого образа мыслей, но власть не смогла их принять.

Обращаясь к истории и пытаясь вписать себя в некое более широкое сообщество, представители интеллигенции старались дополнить «базовую систему ценностей» государства определенной альтернативной, имеющей национальную направленность. Принятие национальных ценностей и национальное самосознание отнюдь не означали, что коммунистическая идеология не играла никакой роли в формировании взглядов интеллигенции. Безусловно, играла, притом весьма существенную. Стиль исторического мышления бурятских интеллигентов формировался под влиянием марксистско-ленинской концепции истории. А сама история и интерес к культурной традиции всегда играли важную роль в обществе. Здесь трудно не согласиться с В. Зайончковским, полагающим, что исследование истории могло стать «для представителей национальных меньшинств началом политической рефлексии или заменить ее полностью, а реконструкция национального прошлого при помощи историографии могла восприниматься как ритуал, символизирующий существование политического сообщества, базирующегося на иных принципах, чем те, которые предлагала официальная идеология, ратующая в пользу гипотезы об исчезновении наций в СССР и создании «советского народа» [14. Р. 172–174].

На рубеже 1980–1990-х гг. свидетельством национальных устремлений интеллигенции стала деятельность национальных организаций, выступавших первоначально с требованиями культурного и языкового характера, а позже и с политическими требованиями. В 1988 г. было создано региональное политическое объединение «Гэсэр». Основными положениями его программы были воссоединение бурятских автономных округов с республикой, выдвижение представителей этноса на высшие руководящие посты, возрождение национального языка и культуры. В конце 1980-х гг. в Бурятии возникло еще несколько общественных организаций – Союз бурятской интеллигенции, Клуб избирателей, Народный фронт. Их деятельность заключа-

лась в организации непосредственного обращения к руководителям партии и правительства, проведении публичных форумов по национальному вопросу.

Процесс демократизации общественной жизни в БурАССР обусловил развитие форм бурятского национального движения, обеспечивших политическую консолидацию его участников. В 1989 г. в Улан-Удэ состоялось расширенное собрание, на котором обсуждалась проблема государственно-правового и территориального единства бурятского народа. В ноябре 1990 г. была создана Бурят-Монгольская народная партия, в состав которой вошли представители бурятской интеллигенции. Стержнем ее платформы являлась идея о возрождении бурят-монгольского народа через духовное и территориальное воссоединение, воссоздание единой Бурят-Монгольской республики, этнизация образования и культуры, возвращение к общемонгольским корням. На закате перестройки произошло возрождение одной из традиционных форм бурятского национального движения – общебурятских съездов. В феврале 1991 г. в Улан-Удэ состоялся I Всебурятский съезд. Основными направлениями его работы стали обсуждение вопросов политического и национально-культурного развития Бурятии, осуждение акта 1937 г. о разделении БМАССР. По инициативе делегатов была учреждена Всебурятская ассоциация развития культуры (ВАРК).

Формирование современной бурятской государственности в составе России способствовало возникновению новых общественных объединений этнического толка. В 1992 г. организовано Движение национального единства «Нэгэдэл». В конце 1992 г. произошло объединение «Нэгэдэла», Бурят-Монгольской народной партии (БМНП) и бурятского отделения Демократической партии России в блок «Народное согласие», члены которого разработали программу по «комплексному восстановлению политических, гражданских и культурных прав бурятского народа». Во второй половине 1990-х гг. в условиях стабильного развития республики бурятское национальное движение пошло на спад. В 1996 г. по инициативе делегатов II Всебурятского съезда был создан Конгресс бурятского народа, деятельность которого в основном была направлена на проведение мероприятий по обсуждению проблем воссоединения и реабилитации бурятского народа [31. С. 70–82]. Однако подобные акции не оказывали значительного воздействия на общественно-политические процессы в республике, а национальная идея в этот период не получила серьезной поддержки ни в массах, ни в политической и интеллектуальной элите.

Выводы, вытекающие из анализа позиций бурятской интеллигенции по национальному вопросу в России и СССР с конца XIX до конца XX в., можно разделить на две группы. Первая связана с характером процессов создания наций. Вторая группа касается более общих вопросов, связанных с теорией нации. Национализм начала XX в. и рубежа 1980–1990-х гг. не представляет собой единого общественного движения. Потери, понесенные национальной интеллигенцией в

1930-е гг. и в ходе Великой Отечественной войны, привели к разрыву общественной традиции в рамках национального движения. При этом идеологическая традиция была сохранена, поскольку представители национальной интеллигенции обратились к опыту бурятского национального движения начала XX в.

Несмотря на сохранение традиционного националистического дискурса у бурят на протяжении нескольких десятилетий существенно изменилась его функция. Если в 1920–1930-х гг. национализм был проектом модернизации, то в условиях 1990-х гг. он выполнял в основном функцию легитимации политических требований (касающихся, в частности, сферы автономии республик и статуса коренного населения). Целый ряд исторических условий – распад религиозной, племенной, родовой общности, развитие современных средств коммуникации, а также культурных и научных институтов, влияние

европейской системы знаний – способствовал тому, что люди в различной степени начали ощущать свое социальное самосознание как национальное.

Национализм и модернизм принадлежат к числу тех культурно-политических феноменов, между которыми существует устойчивая связь. Национализм своим появлением обязан модернизации, разрушению традиционализма и архаики. Националистическая модернизация, включавшая как институциональный (создание национальных административных образований, развитие культурных и научных институтов), так и духовный аспекты (создание национального литературного языка, рождение национальной историографии), привела к превращению бурят в нацию. Исторический опыт продемонстрировал, что в конце XX в. нация представляет собой форму, способную наиболее полно удовлетворить потребности личности в коллективной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М. : Юрист, 1994. 704 с.
2. Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994. 234 p.
3. Conversi D. Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connor's Work // *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism* / Daniele Conversi Ed. L. ; N.Y. : Routledge, 2003. P. 1–21.
4. Hroch M. Real and Constructed: The Nature of the Nation // *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism* / John A. Hall Ed. Cambridge UK ; N.Y. : Cambridge University Press, 2004. P. 91–106.
5. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
6. Тишков В.А. Российский народ: Книга для учителя. М. : Просвещение, 2010. 191 с.
7. Calhoun C. Critical Social Theory / Culture, History and the Challenge of Diversity. Oxford ; Cambridge, Mass., 1994. 356 p.
8. Brass P. Ethnic Groups and the State. London : Croom Helm, 1985. 341 p.
9. Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi : Sage Publications, 1991. 358 p.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕРСЭ, 2012. 528 с.
11. Победоносцев К.П. Письмо Александру III (4 мая 1882 г.) // Письма Победоносцева к Александру III. М. : Новая Москва, 1926. Т. 1. 464 с.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. М. : Соцгиз, 1960. 723 с.
13. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. 466 с.
14. Zajonczkowski W. Ethnic Minority Organizations in the Federation of Russia at the turn of the 1980s and 1990s // *Polish Sociological Review* 2(134). 2001. P. 157–174.
15. Жамцарано Ц. О правосознании бурят (К предстоящим общим реформам) // *Сибирские вопросы*. 1906. № 2. С. 168–186.
16. Богданов М.Н. Бурятское «возрождение» // *Сибирские вопросы*. 1907. № 3. С. 38–49.
17. Балдано С.В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII – начало XX в.) // *Власть*. 2011. № 6. С. 157–160.
18. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос // *Сочинения*. М. : ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1946. Т. 2. С. 296–297.
19. Елаев А.А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М., 1994. 176 с.
20. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994.
21. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 126 с.
22. Санжиева Т.Е. Политика «коренизации» в модернизационном процессе Бурятии // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение : материалы Всерос. конф., посв. 75-летию акад. РАН В.В. Алексеева / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 385–391.*
23. Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964. 179 с.
24. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С.П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
25. Базарова В.В. Реформа бурят-монгольского языка в зеркале политических дискуссий 1920-х гг. // *Власть*. 2012. № 6. С. 176–179.
26. Найдаков В.Ц. Проблемы национально-культурного развития народов Республики Бурятия // *Бурятия*. 1997. 10 апр. С. 2.
27. Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ / Госкомитет Рос. Федерации по статистике, Госкомитет Респ. Бурятия по статистике. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1996. 28 с.
28. Афанасьева И.П. Особенности урбанизационных процессов в Бурятии во второй половине XX века // *Вестник Бурятского Университета*. Сер. 4. История. Вып. 6. 2003. С. 146–155.
29. Республика Бурятия – 75 лет : стат. сб. Улан-Удэ : Госкомстат РБ, 1998. 320 с.
30. Гармаев Д.О. Философские основы необуддизма Б.Д. Дандарона : дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 152 с.
31. Балдано М.Н. Трансформация идеи создания единого монгольского государства // *Россия в Монголии: история и современность*. Улан-Батор, 2008. С. 70–82.

Kirichenko Svetlana V. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Ulan-Ude, Russia). E-mail : l-a-n-a@mail.ru

BURYAT INTELLIGENTSIA: NATIONALISM AND ETHNIC QUESTION.

Keywords: Buryat national movement; nationalism; intellectuals; modernization.

The purpose of this article is the analysis of positions of the Buryat intellectuals on an ethnic question in Russia and the USSR since the end of 19th until the end of the 20th century. For achievement of this purpose the author needed to solve the following tasks: first, to decide on the concepts “ethnos”, “nation”, “nationalism”; secondly, using empirical material, to analyse some aspects of problems of the

Buryat national intelligentsia; thirdly, to track process of national modernization and, at last, fourthly, to reveal features of the Buryat national movement. The article is based on materials of the published works of the Buryat national intellectuals and the analysis of works of the Russian and foreign researchers considering various aspects of nationalism. In the course of this research the author has come to the following conclusions. Nationalism and modernism belong to the number of cultural and political phenomena closely connected by stable relations. Nationalism has appeared thanks to modernization, destruction of traditionalism and antiquity. Nationalist modernization including institutional (creation of national administrative structures, development of cultural and scientific institutions), and spiritual aspects (creation of national literary language, birth of a national historiography) led to transformation of the Buryats into the nation. A number of historical conditions – disintegration of a religious, tribal, patrimonial community, development of modern mass medium, and also cultural and scientific institutions, influence of the European system of knowledge – promoted that people in different degree began to feel the social consciousness as national. The author emphasizes that nationalism of the beginning of the 20th century and a boundary of the 1980th – 1990th did not represent one general social movement. The losses incurred by the national intelligentsia in the 1930th and during the Great Patriotic War led to a gap of public tradition within national movement. Despite revival of nationalism in the Buryat society, its function cardinally changed during several decades. If originally it was the project of modernization, then in conditions of the 1980s – 1990s it performed only function of legitimization of political requirements and was not supported by the people.

REFERENCES

- Weber, M. (1994) *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected Works. The Image of Society]. Translated from German by M. Levina et al. Moscow: Yurist.
- Connor, W. (1994) *Ethnonationalism. The Quest for Understanding*. Princeton: Princeton University Press.
- Conversi, D. (2003) Conceptualizing Nationalism: An Introduction to Walker Connor's Work. In: Conversi, D. (ed.) *Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism*. London; New York: Routledge. pp. 1–21.
- Hroch, M. (2004) Real and Constructed: The Nature of the Nation. In: Hall, J.A. (ed.) *The State of the Nation: Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge UK; New York: Cambridge University Press. pp. 91–106.
- Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nation and nationalism after 1780]. Translated from English by A. Vasiliev. St. Petersburg: Aleteya.
- Tishkov, V.A. (2010) *Rossiyskiy narod: Kniga dlya uchitelya* [The Russian people: Teacher's Book]. Moscow: Prosveshchenie.
- Calhoun, C. (1994) *Critical Social Theory: Culture, History and the Challenge of Diversity*. Oxford; Cambridge; Mass.: Wiley-Blackwell.
- Brass, P. (1985) *Ethnic Groups and the State*. London: Croom Helm.
- Brass, P. (1991) *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi: Sage Publications.
- Grinfeld, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism. Five Ways to the Present]. Moscow: PERSE.
- Pobedonostsev, K.P. (1926) *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III* [Pobedonostsev's letters to Alexander III]. Vol. 1. Moscow: Novaya Moskva.
- Witte, S.Yu. (1960) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Sotseviz.
- Smith, A. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskiy obzor sovremennykh teorii natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Translated from English by A.V. Smirnov, Yu.M. Filippov, E.S. Zagashvili et al. Moscow: Praksis.
- Zajonczkowski, W. (2001) Ethnic Minority Organizations in the Federation of Russia at the turn of the 1980s and 1990s. *Polish Sociological Review*. 2(134). pp. 157–174.
- Zhamtsarano, Ts. (1906) O pravosoznaniy buryat (K predstoyashchim obshchim reformam) [On the legal awareness of the Buryats (Towards the forthcoming general reforms)]. *Sibirskie voprosy*. 2. pp. 168–186.
- Bogdanov, M.N. (1907) Buryatskoe "vozhrozhdenie" [The Buryat "revival"]. *Sibirskie voprosy*. 3. pp. 38–49.
- Baldano, S.V. (2011) Formirovaniye natsional'noy intelligentsii i stanovleniye khudozhestvennoy kul'tury Buryatii (XVIII – nachalo XX v.) [Formation of the national intelligentsia and artistic culture of Buryatia (the 18th – early 20th centuries)]. *Vlast' – The Power*. 6. pp. 157–160.
- Stalin, I. (1946) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 296–297.
- Elaev, A.A. (1994) *Buryatiya: put' k avtonomii i gosudarstvennosti* [Buryatia: The path to autonomy and statehood]. Moscow: Antal.
- Rinchino, E.-D. (1994) *Dokumenty. Stat'i. Pis'ma* [Documents. Articles. Letters]. Ulan-Ude: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel Minpechaty Respubliki Buryatiya.
- Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Translated from English. Moscow: Progress.
- Sanzhieva, T.E. (2009) Politika "korenizatsii" v modernizatsionnom protsesse Buryatii [The policy of indigenisation in the modernisation process of Buryatia]. In: Poberezhnikov, I.V. (ed.) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regional'noye izmerenie* [Civilizational uniqueness of the Russian modernisation: the regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. pp. 385–391.
- Gerasimova, K.M. (1964) *Obnovlencheskoye dvizheniye buryatskogo lamaistkogo dukhovenstva (1917–1930 gg.)* [The renewal movement of the Buryat Lamaist clergy (1917–1930)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniye natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin And Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
- Bazarova, V.V. (2012) Reforma buryat-mongol'skogo yazyka v zerkale politicheskikh diskussiy 1920-kh gg. [The reform of the Buryat-Mongolian language in the mirror of the political discussions of the 1920s]. *Vlast' – The Power*. 6. pp. 176–179.
- Naydakov, V.Ts. (1997) Problemy natsional'no-kul'turnogo razvitiya narodov Respubliki Buryatiya [Problems of national and cultural development of the peoples in the Republic of Buryatia]. *Buryatiya*. 10th April. p. 2.
- The State Committee of the Russian Federation on Statistics; The State Committee of the Republic Buryatia. (1996) *Buryaty v zerkale statistiki* [Buryats in the mirror of statistics]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izdatel'stvo.
- Afanasieva, I.P. (2003) Osobennosti urbanizatsionnykh protsessov v Buryatii vo vtoroy polovine XX veka [Peculiarities of urbanization in Buryatia in the second half of the 20th century]. *Vestnik Buryatskogo Universiteta. Istoriya – The Buryat State University Bulletin. History*. 6. pp. 146–155.
- The State Committee of Statistics of the Republic of Buryatia. (1998) *Respublika Buryatiya – 75 let* [The Republic of Buryatia – 75 years]. Ulan-Ude: Goskomstat RB.
- Garmaev, D.O. (2005) *Filosofskie osnovy neobuddizma B.D. Dandarona* [Philosophical basis of B.D. Dandaron's Neobuddhizm]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
- Baldano, M.N. (2008) Transformatsiya idei sozdaniya edinogo mongol'skogo gosudarstva [Transformation of the idea of creating a single Mongolian state]. In: *Rossiya v Mongolii: istoriya i sovremennost'* [Russia in Mongolia: History and modernity]. Ulan-Bator: [s.n.]. pp. 70–82.